

Когда Гу Цзинлань смутно пришел в себя рано утром, он обнаружил, что его левую руку крепко обхватили теплые руки, а ладонь от этого даже вспотела. В тот момент сознание еще не прояснилось, и великий киноактер Гу успел подумать: какой же это искусный соблазнитель умудрился затащить его в постель? Однако, открыв глаза, чтобы во всем разобраться, он увидел рядом с собой безмятежно спящего Лу Юаньшао.

Бедный ребенок жалко свернулся калачиком на краю кровати, укутавшись в тонкую простыню. Казалось, он боялся потревожить Гу Цзинланя, поэтому не решался придвинуться ближе, лишь тайком держал его за руку. Он лежал так близко к краю, что мог бы свалиться при малейшем движении.

Гу Цзинлань почувствовал, как на виске запульсировала вена: когда это мальчишка успел залезть к нему в постель?

Сквозь облака пробился утренний свет и косыми лучами упал в комнату. Лу Юаньшао моргнул и проснулся, а Гу Цзинлань тут же отвернулся и притворился спящим. Он почувствовал, как этот несносный ребенок осторожно выбрался из постели, бережно подобрал свою простыню и на цыпочках направился к выходу.

Веки Гу Цзинланя дрогнули, он сел и произвел:

— Стоять.

— Ты собрался вот так улизнуть? Нечего сказать младшему дяде? — холодно спросил Гу Цзинлань.

Лу Юаньшао застыл на месте, бледный как полотно. Простыня, которую он держал в руках, выскользнула и упала на пол.

— М-младший дядя, это, это моя вина! — с трудом выдавил Лу Юаньшао. — Впредь... впредь такого больше не повторится...

Гу Цзинлань нахмурился: личико мальчика, которое он с таким трудом начал откармливать, сейчас было белее мела. Красивые персиковые глаза покраснели, а губы, лишенные всякой крови, были плотно сжаты.

В голове Гу Цзинланя промелькнула неуместная мысль: почему лицо этого ребенка кажется ему таким знакомым?

Отбросив это раздумье, Гу Цзинлань встал с кровати, подошел прямо к Лу Юаньшао и низким голосом произнес:

— У тебя еще хватает наглости называть меня младшим дядей?

— Встань прямо, подними голову! — холодно приказал он.

Лу Юаньшао от этих слов весь напрягся, подумав, не переиграл ли он. Он с неохотой отвел взгляд от изящных, словно выточенных из нефрита ступней Гу Цзинланя и скованно поднял голову.

Гу Цзинлань опустился перед ним на одно колено. С такого ракурса Лу Юаньшао мог видеть его изящные ключицы под слегка распахнутым воротом халата.

— Младший дядя помнит, как говорил тебе: здесь, в Обители Слушающего Волны, если тебе что-то нужно, просто скажи мне... Разве не так? — Гу Цзинлань по-прежнему говорил ледяным тоном, не смягчившись ни на йоту.

— ...Так, — неуверенно кивнул Лу Юаньшао.

Гу Цзинлань взял его за руку, подвел к кровати, снял с него хлопковые носки и уложил в постель. Лу Юаньшао лег внутри, а сам Гу Цзинлань устроился с краю. Укрыв его одеялом, он холодно добавил:

— А теперь спи.

— Утром я прикажу слугам перенести твои вещи в мою комнату. Отныне будешь жить со мной, — добавил Гу Цзинлань, закрыв глаза.

Лу Юаньшао застыл в оцепенении, а спустя долгое время крепко зажмурился. Крупная слезинка, сохранившая тепло его щеки, скатилась по лицу и бесшумно упала на простыню.

Прошло много времени, прежде чем он прошептал:

— Младший дядя, я хочу поддержать тебя за руку.

— Держи, — ответил Гу Цзинлань, и уголки его губ сами собой едва заметно дрогнули.

Тут же он почувствовал, как его правую руку охватили маленькие теплые ладошки. Эти руки не были мягкими — на ладонях чувствовались мозоли, а под кожей угадывались крепкие кости, но они были теплыми и сильными, передавая искреннее тепло и непоколебимую внутреннюю силу этого ребенка.

Гу Цзинлань исправно исполнял обязанности придворного в императорском кабинете. Он догадывался о своем истинном положении, поэтому был готов к любезностям со стороны императора. Честно говоря, к Иньюань-ди он не испытывал особых чувств: будучи

императором, тот совершал поступки, которые можно было понять, но нельзя простить.

К счастью, прежний владелец тела был человеком холодным. В кабинете Гу Цзинлань молчал, если только император не обращался к нему напрямую, а если и отвечал, то старался уложиться в четыре иероглифа там, где хватило бы пяти.

Иньюань-ди не знал, что делать с этим сыном, и пытался разговорить его:

— Цзялань, что ты думаешь о строительстве тракта через заставу Фуюй к уезду Линьань?

— Докладываю Вашему Величеству: я не в курсе всех обстоятельств дела и не смею пустословить, — ответил Гу Цзинлань с самым серьезным видом.

Неужели он не знал? Он впитал шестнадцать лет воспоминаний прежнего хозяина, а значит, прожил в этом мире шестнадцать лет. У него, конечно, было свое мнение по государственным вопросам, но в должности придворного было неразумно высказываться без спроса.

— Ничего страшного, выскажись вкратце. Твои слова услышу только я, и никто третий о них не узнает.

— На мой взгляд, это превосходно, — Гу Цзинлань подобрал слова. — Во-первых, это облегчит передвижение войск, во-вторых — торговлю. Это позволит накапливать зерно и провиант, а в случае опасности — обороняться. Это наполнит государственную казну и принесет процветание народу. Поэтому — превосходно.

Иньюань-ди с удивлением взглянул на него, в его глазах читалось явное восхищение. Он только хотел попросить развить мысль, как вошел слуга:

— Ваше Величество, Лань Чжаои просит аудиенции.

— Зачем она пожаловала? Пусть войдет.

— Ваше Величество, я принесла вам отвар Долголетия. Слуги варили его день и ночь, чтобы добиться нужного вкуса, — Су Цзиньхуэй извиняющимся взглядом посмотрела на Гу Цзинланя.
— Не знала, что здесь Чжуаньюань Лу, прошу прощения за мою оплошность.

Гу Цзинлань нахмурился. Он был уверен: то, как эта женщина посмотрела на него, содержало явный намек.

Когда Иньюань-ди допил отвар, Су Цзиньхуэй убрала чашу и произнесла:

— Тогда я откланяюсь... У меня есть еще одна чаша для Императрицы.

Слова Императрица прозвучали в ее устах как-то особенно многозначительно.

— Хорошо, — кивнул Иньюань-ди, явно довольный ее благоразумием.

Гу Цзинлань опустил взгляд, все поняв. Похоже, их неожиданная встреча в императорском саду не прошла даром: не только он узнал ее, но и она его.

Когда пришло время уходить, Гу Цзинлань обратился к императору:

— Прошу позволения посетить дворец Фэнъи, чтобы навестить Императрицу.

Иньюань-ди вздохнул:

— Ступай. Заодно останься на ужин, я скоро тоже приду.

— Благодарю за милость, Ваше Величество.

Выйдя из кабинета, Гу Цзинлань направился прямо к дворцу Фэнъи. Пока евнух докладывал о его приходе, он замер на месте, не смея даже пошевелиться.

Его холодное, отчужденное лицо, несмотря на ослепительную красоту, вызывало невольный трепет и ощущение недостижимости. Алые колонны рядом с ним были украшены золотыми фениксами, и их отблески, падая на его лицо, придавали ему величавую, почти божественную торжественность. Казалось, он и впрямь небожитель, готовый вот-вот оседлать феникса и унести в небеса.

Во дворце Фэнъи Су Цзиньхуэй, услышав о приходе Чжуанъюаня Лу, поспешила откланяться.

У входа во внутренние покои Су Цзиньхуэй с корзинкой в руках столкнулась с Гу Цзинланем. В тот момент, когда они разминулись, она оступилась, и корзинка упала на землю. Гу Цзинлань опустил взгляд, поднял ее и, протягивая обратно, не преминул сказать:

— Будьте осторожны, госпожа.

Су Цзиньхуэй виновато улыбнулась:

— Благодарю, — пробормотала она, глядя в пол, и ушла, не оглядываясь.

Гу Цзинлань сжал в руке спрятанную записку. Подняв голову, он увидел Императрицу Лу-ши, которая с изумлением смотрела на них — на ее лице застыло выражение растерянности, удивления и даже гнева, которое она не успела скрыть.

Сердце Гу Цзинланя пропустило удар: неужели его разоблачили?

Лу-ши ничего не сказала. Опомнившись, она тут же стерла все эмоции с лица и встретила Гу Цзинланя стандартной, безупречной улыбкой добродетельной матери государства. Гу Цзинланю пришлось спрятать свои сомнения глубоко внутри, сохраняя внешнее спокойствие, и лишь вспотевшие ладони выдавали его тревогу.

Никто не знал, о чем в тот миг подумала Императрица Лу-ши, раз даже эта женщина, долгое время искусно лавировавшая в глубинах дворца, не смогла скрыть истинных чувств. Лишь сама Лу Ваньин, бесконечными ночами просыпаясь в холодном поту, видела перед глазами одну и ту же картину: ступени перед главным залом, резные колонны и поразительно похожие профили ее племянника и любимой наложницы императора.

Только вернувшись в Обитель Слушающего Волны, Гу Цзинлань решился развернуть записку. На ней не было рукописного текста — кто-то очень осторожно вырезал буквы из книг и составил фразу: Восьмой день седьмого месяца, Каменный лес в пригороде столицы.

Сейчас был только четвертый месяц, до восьмого числа седьмого месяца оставалось еще много времени, спешить было некуда.

Но пока было не до этой игры, нужно было тщательно подготовиться к другому событию... Гу Цзинлань взглянул на приглашение: пятнадцатый день четвертого месяца, званый ужин у главы Министерства доходов.

В воспоминаниях прежнего хозяина глава Министерства доходов Шэнь Хань был человеком, которым он восхищался больше всех. И причина была проста: Шэнь Хань был гэ-эром.

По идее, гэ-эр на государственной службе должен был сталкиваться с множеством препятствий, предрассудков и сплетен. Но Шэнь Хань, будучи гэ-эром, сумел дослужиться до высокого поста второго ранга, ведая казной всей страны и налогами миллионов людей. Правда, в начале карьеры, будучи молодым и горячим, он нажил себе немало врагов, и в итоге его подставили, вынудив выйти замуж.

Но сила Шэнь Ханя заключалась в другом: даже будучи насильно выданным замуж, он сумел взять реванш. В один прекрасный день он пригласил всех своих коллег, родственников и высокопоставленных чиновников, на глазах у всех выпил чашу с зельем бесплодия и произнес:

— Я дал обет: в этой жизни не выходить замуж и не брать жену, не иметь детей. Буду ли я чиновником или торговцем — все лишь ради страны и народа...

— ...Хотя дело зашло далеко, еще не поздно все исправить, — он швырнул чашу на пол и с гордостью добавил: — Прошу семью мужа дать мне развод!